

ТРАГЕДІЯ СМЕРТЬ ЦЕСАРЕВА.

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

съ Французкаго на Россійскій языкъ переведена Артиллеріи К.... В... І...

Сот. Волтеръ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ 1777 года.

Дѣйствующія лица:

ЮЛІЙ ЦЕСАРЬ.

АНТОНІЙ. — наперстникъ Цесаревъ и главный полководецъ надъ Римскою конницею.

ДОЛАБЕЛЛА полководецъ Римской.

КАССІЙ
ЦИМБЕРЪ
ЦИННА
ДЕЦИМЪ
КАСКА
— знатнѣйшіе Римскіе дворяне и купно заговорщики противу Цесаря.

БРУТЪ — сынъ Цесаревъ и главный изъ заговорщиковъ.

РИМСКІЕ ГРАЖДАНЕ

ТРАГЕДІЯ СМЕРТЬ ЦЕСАРЕВА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРЬВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЦЕСАРЬ, АНТОНІЙ.

Антоній.

Ты царской скиптръ готовишся воспріять, Цесарь? Се тотъ преблагополучный день, въ который Римской народъ, посягающій всегда несправедливо на тебя, премѣнится отъ твоихъ благодѣяній, и признаетъ въ тебѣ своего побѣдителя, свою защиту, мстителя и своего Государя. Антонію сіе извѣстно, по онъ зависти не имѣетъ. Ему слава твоя любезна боль-

ше, нежели тебѣ самому. Онъ уже приуготовилъ цѣпи опредѣленныя тобою для Римлянъ, и не желаетъ какъ только быть по тебѣ вторымъ на свѣтѣ человѣкомъ. Пріятнѣе для него кажется возлагать на тебя новую сію діадиму, славнѣе, онъ мнитъ, тебѣ служить и повиноваться, нежели самому царствовать. Но что! ты мнѣ отвѣтствуешь едиными токмо вздохами? Величество твое мнѣ причиняетъ радость, а тебѣ уныніе наноситъ? Обладатель Рима и всей вселенной! тебѣ ли сѣтовать? Достоитъ ли Цесарю снѣдатися тоскою? Достоитъ ли ему кого страшитися? И кто бы оный былъ, который вліялъ ужасъ во твою великую душу?

Цесарь. Дружба, любезный Антоній. Я долженъ тебѣ открыть мое сердце. Ты знаешь, что я тебя оставляю, и что судьба повелѣваетъ мнѣ итти съ оружіемъ въ поля Вавилонскія. Я иду, и иду отмстить безчеловѣчнымъ Парѳянамъ стыдъ Крассовъ и Римскаго народа. Уже (*) Орелъ, котораго

(*) Орелъ. Каковые обыкновенно были у Римлянъ на знаменахъ въ каждомъ полку.

раго быстрое летанїе еще я удерживаю, стремится прелетѣть моря Босфорскїя, и неустрашимыя мои войны ожидаютъ токмо сей минуты, въ которую увидятъ меня облеченна въ царскую порфиру. Можетъ быть Цесарь имѣетъ причину завоевать ту землю, которую покорилъ Александръ. Можетъ быть Галлы, Помпей и Римляне низложенные его оружїемъ несравненно превосходятъ Персовъ. Я о семъ единомъ мыслю: и твой другъ ласкаетъ себя тѣмъ, что побѣдитель Рейна, можетъ быть побѣдителемъ и Евфрата. Но хотя сїя надежда меня и обольщаетъ, однако разумъ мой ею не помраченъ. Не можетъ ли мое щастїе престать слѣдовать по моимъ стопамъ? И самая верховная премудрость не бываетъ ли часто имъ обманута? Измѣня оное Помпею, не можетъ ли оставить и Цесаря? Увы! какъ во браняхъ, такъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, отъ великости до паденїя часто бываетъ единый токмо шагъ. Я служилъ, повелѣвалъ и побѣждалъ сорокъ лѣтъ: всея вселенныя участь видѣлъ я въ моихъ рукахъ; но зналъ притомъ, что судьба государствъ зависитъ всегда

 отъ

отъ единаго токмо часа. Но пусть что ни будешъ: мое сердце неустрашимо. Я побѣждалъ безъ гордости, безъ роптанія и умру. А отъѣзжая требую отъ твоей ко мнѣ дружбы, остаться навсегда привязаннымъ къ моимъ дѣтямъ; что бы Римъ съ прилежащими къ нему областями, защищенный и завоеванный моими руками, пребылъ какъ моимъ сыновьямъ такъ и тебѣ послушнымъ; и наконецъ что бы заслуженное мною здѣсь великое имя Государя, моя кровь и мой другъ послѣ меня на себя восприяли. Я хощу объявить тебѣ въ послѣдній разъ мое желаніе. Антоній! ты долженъ быть отцемъ моимъ дѣтямъ. Я не потребую отъ тебя въ томъ клятвы, которая принадлежитъ только подлымъ душамъ; но доволенъ буду однимъ твоимъ обѣщаніемъ; и оное почту священнѣе жертвенниковъ окруженныхъ богами мстителями клятвопреступленія.

Антоній. Сколь ни тягостенъ для меня сей уставъ, что ты идешь одинъ на бранъ и ищешь смерти безъ меня, и что твоя корысть привязываетъ меня къ Италіи въ то время, когда

да слава зоветъ тебя въ Азїю; но еще болѣе сокрушаюсь зря твое великое сердце въ своемъ успѣхѣ сомнѣвающееся и предсказывающее тебѣ нещастїе. Я не понимаю милости твоей, которая меня оскорбляетъ. Что Цесарь говоришь ты мнѣ о сыновьяхъ и о раздѣлѣ? у тебя нѣтъ дѣтей, кромѣ единаго Октавїя: и никакое другое присвоенїе подпорою дому твоему быть не можетъ.

Цесарь. Уже я горести той, другъ мой, отъ тебя скрывать больше не желаю; которою тайно раздирается родительское мое сердце. Октавїй мнѣ сынъ единственно по произволенїю законовъ. Я его себѣ усыновилъ и нарекъ Цесаремъ. Судьба (я не знаю какъ лучше тебя назвать, жалостливою или жестокою) въ самомъ дѣлѣ даровала мнѣ законнаго сына, сына, котораго я люблю, но который, къ нещастїю моему, за искреннюю мою къ нему любовь платитъ мнѣ злодѣйствомъ.

Антонїй. Кто сей сынъ? Кто сей неблагодарный и столь недостойный той крови, отъ которой произвели его боги?

Цесарь. Слушай. Ты знаешь того несчастнаго Брута, котораго Катонъ научилъ свирѣпой добродѣтели. Вотъ сей то строгой защитникъ древнихъ нашихъ законовъ, сей то непримиримый врагъ самовластiя, которой всегда съ оружiемъ противъ меня выступалъ, и которой ходилъ безотлучно по слѣдамъ моихъ злодѣевъ: сей, которой былъ плѣнникомъ моимъ на поляхъ Фарсальскихъ, которому я двоекратно спасъ жизнь противъ его желанiя, и которой рожденъ и воспитанъ во отдаленiи отъ меня у горделивѣйшихъ моихъ враговъ.

Антонiй. Брутъ! можетъ ли то быть, чтобъ. . . .

Цесарь. Не вѣрь мнѣ, но вотъ возми читай.

Антонiй. Боги! сестра Катонова! гордая Сервилiя! . . .

Цесарь. Я тайно съ нею вѣнчался. Свирѣпый Катонъ въ первыхъ нашихъ несогласiяхъ почти при моихъ глазахъ отдалъ ее другому; но во второй день ея брака кончилась жизнь новаго ея супруга. Сынъ мой подъ именемъ Брута воспитанъ былъ. О небо! на то ли жизнь его сохранена, чтобъ онъ

меня

меня ненавидѣлъ? Но читай горестное сїе письмо: изъ него ты все узнаешь.

Антонїй (*читаетъ.*) „Цесарь! я „умираю: небесный гнѣвъ лишаетъ ме„ня вдругъ и жизни и любви. Вспомни, „что Брутъ тобою произведенъ на „свѣтъ. Прости! Да возможетъ онъ со„хранить къ тебѣ ту любовь, которую „до своей смерти, мать его Сервилїя, къ „тебѣ хранила„! Къ чему, о жестокой судьбы законъ! низпослалъ ты Цесарю столь отличнаго отъ него сына?

Цесарь. Онъ имѣетъ другїя добродѣтели. Его превосходная храбрость и въ то самое время, когда онъ меня раздражаетъ, тайно обольщаетъ мой духъ. Онъ меня ополчаетъ противу себя, и въ тоже время любезенъ мнѣ бываетъ. Съ какою гордостїю неустрашимое его сердце превозносится надъ моими чувствами! Его твердость приводитъ меня въ молчанїе; и я его извиняю, когда онъ проклинаетъ во мнѣ верховную власть. Правда что я и человѣкъ и купно отецъ извиняющїй его предъ собою; но нѣкая особая сила влечетъ меня къ его любви. Или что я Римляниномъ рожденъ, я слышу гласъ

отечества вопіющій противъ моего желанія на мое тиранство? и что вольность, которую я угнѣтаю, побуждаетъ меня тѣмъ сильнѣе его любить? Но я вотъ что еще тебѣ скажу. Ежели Брутъ отъ меня произходитъ, и ежели онъ сынъ Цесаревъ, то онъ долженъ ненавидѣть Государя. Я самъ въ младыя мои лѣта равно съ нимъ думалъ: я проклиналъ Силлу и ненавидѣлъ тиранновъ. Я бы и самъ былъ гражданиномъ, когда бы не горделивый Помпей, желая покорить меня похищенной своей славѣ. . . . Онъ рожденъ гордымъ и высокомѣрнымъ, но рожденъ къ добродѣтелямъ: и ежели бы я не былъ Цесаремъ, то бы конечно былъ Брутомъ. Каждый съ своимъ состояніемъ долженъ соглашать свой духъ. Брутъ всеконечно будетъ иначе говорить, когда узнаетъ, отъ какой онъ крови произходитъ. Повѣрь мнѣ, что готовящаяся ему діадима смягчитъ жестокой его разумъ; и что онъ премѣня свое состояніе, премѣнитъ и нравъ свой. Природа, кровь, мои благодѣянія, мои совѣты, должность, корысть, и однимъ словомъ все поможетъ мнѣ смягчить моего сына.

Антоній

Антоній. Въ семъ я сомнѣваюсь. Я знаю свирѣпую его твердость: и та секта, къ которой онъ приверженъ, не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что можетъ смягчать. Одна токмо нелюдкость и суетность возмущающая разумъ противу человѣчества и научающая побарать и попирать ногами разгнѣванную природу къ Бруту вопіетъ и отъ него внемлема бываетъ. Сіи ужасныя закоренѣлости, что должностію онъ называетъ, имѣютъ полномочіе надъ окаменѣлымъ его сердцемъ. Самъ Катонъ, сей несчастный Стоикъ, сей диконравный Герой, Утическая жертва, не хотя просить прощенія, которое онъ могъ бы получить, предпочелъ смерть искренной твоей дружбѣ; но Катонъ былъ не столь гордъ, не такъ жестокъ, и не столь опасенъ, какъ сей неблагодарный, котораго ты милостію своею желаешъ привести къ себѣ въ любовь.

Цесарь. Любезный другъ! какими ты поражаешъ меня ударами! что ты мнѣ сказалъ!

Антоній. Я тебя люблю и не могу обманывать.

Цесарь. Время все перемѣняетъ.

Антоній. Сердце мое въ разсужденіи сего отчаянно.

Цесарь. Что! его ненависть....

Антоній. Вѣрь мнѣ....

Цесарь. Что мнѣ нужды. Я отецъ: я любилъ и спасалъ смертельныхъ своихъ непріятелей: я хочу, чтобы любилъ меня Римъ: любилъ бы и мой сынъ: и желаю, побѣдивъ милосердіемъ моимъ побѣжденныя сердца, узрѣть и области и Брута обожающими власть мою. И такъ долженъ ты помогать мнѣ въ столь важныхъ намѣреніяхъ. Ты мнѣ вспомоществовалъ и подавалъ наставленіе въ касающемся до укрощенія смертныхъ; укроти же нынѣ Брута, обуздай его смѣльство, и приуготовь нечувствительно сію свирѣпую добродѣтель къ принятію сей нужной тайны, которую должно ему открыть, и кою объявить ему теперь еще сомнѣвается мое сердце.

Антоній. Я все для тебя сдѣлаю; но не надѣюсь получить большаго успѣху.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЦЕСАРЪ, АНТОНІЙ, ДОЛАБЕЛЛА.

Долабел. Сенаторы, Цесарь, ожидаютъ аудіенціи: они повинуясь верховному твоему повелѣнію сюда пришли.

Цесарь. Они весьма медлительны. . . . Представь ихъ.

Антон. Вотъ они. (*указывая на Сенаторовъ*) На лицахъ ихъ изображены неудовольствіе и ненависть.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЦЕСАРЪ, АНТОНІЙ, БРУТЪ, КАССІЙ, ЦИМБЕРЪ, ДЕЦИМЪ, ЦИННА и КАСКА.

Цесарь. (*сидя*) Достойныя подпоры Римскаго Величества! Сотоварищи Цесаревы! подойдите ко мнѣ Кассій, Цимберъ, Децимъ, Цинна, и ты любезный Брутъ. Вотъ то время, въ которое, ежели небесамъ угодно будетъ, я пойду кончить завоеваніе вселенной, и видѣть на востокѣ престолъ Кировъ, во отмщеніе Красcова трупа падшій.

Время уже присоединить военнымъ правомъ Римлянамъ то, чего недоставало имъ въ трехъ частяхъ земли. Все уже приуготовлено и все расположено для сего великаго намѣренія. Евфратъ ожидаетъ Цесаря; и я завтреже туда иду. Брутъ и Кассій послѣдуютъ за мною въ Азію; для удержанія Галловъ и Италіи остается Антоній; на Атлантическомъ морѣ и Бетическихъ брегахъ будетъ управлять покоренными Царями Цимберъ; Децимъ остается въ Греціи, въ Ликіи, въ Марселліи и въ Понтѣ; а въ Сиріи Каска. И такъ расположа участи народовъ и оставя Римъ въ спокойствѣ и безъ раздоровъ, остается судить Сенату, съ какимъ именемъ долженъ я управлять Римомъ и народами. Силла нареченъ былъ Диктаторомъ, Марій Консуломъ, а Помпей Императоромъ; но я побѣдилъ послѣдняго. И такъ вы видите, что непремѣнно должно изобрѣсть новое имя. А для новой имперіи чѣмъ величественнѣе имя и чѣмъ оно священнѣе, тѣмъ менѣе бываетъ подвержено премѣнѣ. Что прежде страшнымъ казалось Риму, нынѣ то пріятно для вселенной. Уже слухъ носится

ситися весьма увѣрительный, что всуе Римъ осмѣливается объявлять брань Персамъ, и что одинъ Царь можетъ его побѣдить и законъ ему дать. Цесарь то предпринимаетъ, и Цесарь еще не Государь! Онъ токмо гражданинъ заслугами своими славный. Можетъ ли кто понять своенравіе народа.... Римляне! вы меня знаете: вы знаете и мою надежду; помыслитежъ о моихъ благодѣяніяхъ и о моей власти.

Цимберъ. Цесарь! я долженъ сказать, что сей скиптръ, сіи вѣнцы, сіи плоды нашихъ трудовъ и вселенная, которую ты намъ даешь, пребудутъ въ глазахъ народа и ревностнаго Сената больше вредомъ для общества, нежели твоимъ благодѣяніемъ. Ни Марій, ни Силла, ни Катонъ, ниже Помпей, посредѣ власти похищенной ими у народа никогда не помышляли располагать по своей волѣ Римскимъ народомъ, и повелѣвать нами такъ, какъ свойственно Царямъ. Отъ твоего отеческаго милосердія, Цесарь, мы ожидали драгоцѣннѣйшаго дара, благопріятнаго снисхожденія къ областямъ, твоею милостію даннымъ намъ.

Цесарь

Цесарь. Чего же ты, Цимберъ, осмѣливаешся требовать?

Цимберъ. Вольности.

Кассій, Ты намъ ее обѣщалъ: ты клялся самъ уничтожить навсегда верховную власть. Мы чаяли, что уже достигли до сей блаженной минуты, въ которую побѣдитель міра совершитъ свои обѣты. Римъ въ то время, когда онъ плавалъ въ крови и былъ въ неволѣ и раззоренный, сею токмо надеждою подкрѣплялъ свою бодрость. И прежде нежели ты насъ поработилъ, мы всѣ были ужé его племена. Цесарь! я помышляю о твоей власти; помни же и ты свои клятвы.

Брутъ. Да пребудетъ Цесарь великимъ оставя вольность Риму. Боги! Обладатель Инда, но рабъ на брегахъ Тибра. Что пользы повелѣвать, быть Царемъ вселенной, и въ самое то время носить на себѣ оковы? Что пользы нашему отечеству и Римлянамъ тобою угнѣтаемымъ, что Цесарь будетъ имѣть новыхъ рабовъ? И неужели Персы главнѣйшія наши враги? Я иныхъ мыслей не имѣю.

Цесарь.

Цесарь. И ты, Бруть, говоришь тоже?

Антоній (*Цесарю.*) Ты видишь дерзость ихъ; помысли же, достойны ли сіи неблагодарныя сердцà твоей милости.

Цесарь. И такъ вы хощете дерзостію своею нарушить мое терпѣніе и уничтожить мои милости? Вы, которыхъ я покорилъ моимъ мечемъ, ползавшія предъ Маріемъ льстецы и рабы Помпеевы! вы ощущаете въ себѣ жизнь единственно потому, что еще гнѣвъ мой на васъ не устремился. Неблагодарныя республиканцы! вы вооружаетесь нынѣ противъ меня моимъ милосердіемъ, а когдабъ были предъ Силлою, то бы страху трепетали: вы зная, что гнусно Цесарю отмщевать, меня ужé небоитесь? и за милости мои меня раздражаете? Такъ отъ сего то вы воспріяли дерзость говорить мнѣ такъ о Римѣ и отечествѣ, и изъявлять сію нескромную гордыню и сіи высокоумныя разсужденія предъ своимъ побѣдителемъ! Но сему бы должно быть въ долинахъ Фарсальскихъ; а нынѣ жребій щастія меня весьма отличилъ отъ васъ. И такъ когда вы не знали побѣждать,

бѣждать, такъ знайте быть покорными:

Брутъ. Никто изъ насъ, Цесарь, другаго не желаетъ, кромѣ смерти. Каждой можетъ здѣсь сказать, что ни одинъ изъ насъ не уничижилъ храбрости своей въ Ѳессаліи испрашиваніемъ жизни. Правда, ты намъ оставилъ жизнь, но оставилъ ее для того, чтобы презирать насъ: и мы ее проклинаемъ въ такое время, когда должно намъ тебѣ повиноваться. А чтобы никто изъ насъ не избѣжалъ ярости твоей, то начни губить съ меня: Когда ты царствовать желаешь, рази.

Цесарь. (*Сенаторы выходятъ, а съ нимъ остается одинъ Брутъ.*) Слушай... (*къ Бруту*) а вы подите. Брутъ дерзаетъ меня укорять! Но знаетъ ли онъ какими разитъ меня ударами? Внимай. Цесарь весьма отдаленъ отъ того, чтобы лишить тебя жизни. Оставимъ сію необузданную Сената ярость: ты одинъ меня обезоруживаешь. Останся: ты одинъ, котораго любить желаетъ Цесарь.

Брутъ. Я бы жизнь свою принесъ тебѣ на жертву, ежели бы ты исполнилъ свое обѣщаніе; но когда ты хощешь быть

тираномъ

тираномъ, то я искренностїю твоею гнушаюсь, и не останусь здѣсь съ Антонїемъ и съ тобою: ибо и онъ Римляниномъ называться не долженъ, когда желаетъ имѣть царя.

ЯВЛЕНІЕ. IV.

ЦЕСАРЬ, АНТОНІЙ.

Антонїй. И такъ обманулъ ли я тебя? Или ты чаешь, что природа возможетъ смягчить толь горделивый и толь жестокосердый духъ? Оставь, оставь навсегда въ невѣдѣнїи сїю несчастную тайну, которую извлекаютъ милости твои. Оставь его, когда онъ желаетъ оплакивать паденїе Рима; но оставь такъ, чтобы онъ не зналъ, кого онъ ненавидитъ. Онъ недостоинъ признанъ быть твоимъ сыномъ: онъ неблагодаренъ за твои милости: неблагодаренъ и за твою любовь. Забудь, что онъ твой сынъ.

Цесарь. Я сего не могу сдѣлать: я его люблю.

Антонїй. А! такъ престань же размышлять о великолѣпїи дїадимы, и

сойди

сойди съ той высоты, на которую я нынѣ зрю тебя вознесенна. Милость весьма не сходствуетъ съ твоею властію: она разрушаетъ зданіе начинающагося твоего величества. Но чтожъ? Римъ повинуется твоимъ законамъ, а Кассій осмѣливается тебя раздражать! Цимберъ и Цинна, сіи незнатные Сенаторы, предъ Царемъ вселенной являютъ сіе высокомѣрство! они дерзаютъ противуборствовать твоей власти! и побѣжденные дерзаютъ говорить!

Цесарь. Они родились равными мнѣ; но я ихъ покорилъ моимъ оружіемъ: и какъ я весьма ихъ превосхожу, то и могу ихъ прощать яко трепещущихъ отъ ига, которое возложить на нихъ помышляю.

Антоній. Марій не щадилъ бы столько ихъ кровь, и Силла не оставилъ бы ихъ безъ наказанія.

Цесарь. Силла былъ мучитель и кромѣ мучительства ничего не зналъ. Въ кровопролитіяхъ и ярости состоялъ только разумъ и величество его. Онъ посредствомъ казней управлялъ Римомъ, и былъ оному ужасомъ: а я ему блаженствомъ буду. Я знаю, что сей народъ

можно

можно вседневно обращать по своей волѣ. Ему не трудно вдругъ и ненависть и любовь свою изъявлять. И ежели его величество мое огорчитъ, то я его привлеку къ себѣ своею милостiю. Притворное прощенiе тому, кто нося мои оковы вредить мнѣ не можетъ, показуя видъ свободы, обратитъ ко мнѣ колеблющiяся его мысли. Должно изпещрять цвѣтами ту пропасть, въ которую я его влеку, и обольщать сего тигра въ ту минуту, въ которую я на него цѣпи налагаю. Я долженъ нравиться ему, когда его отягощаю и порабощаю. Я хочу прельщать и карать сопротивниковъ моихъ для того, чтобъ они меня любили.

Антонiй. Кто царствовать желаетъ, тотъ долженъ поступать такъ, что бы его боялись.

Цесарь. Престань. Я хочу что бы меня въ единыхъ токмо браняхъ боялись.

Антонiй. Народъ твое снизхожденiе преобратитъ тебѣ во вредъ.

Цесарь. Народъ до нынѣ свято почиталъ мои благодѣянiя. Воззри на сей храмъ, что Римъ посвятилъ моему милосердiю.

Антонiй.

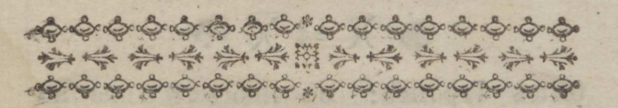
Антоній. Но берегись чтобы не посвящен былъ другой для отмщенія. Страшись сихъ ожесточенныхъ сердецъ терзающихся отчаяніемъ и обожающихъ Римъ. Мятежный Кассій уже предвидитъ, что въ сей день рука моя возложитъ на тебя діадиму, и уже при глазахъ твоихъ осмѣливается объ ономъ роптать. И чтобы ты сихъ бѣдствій избавленъ былъ, то должно непремѣнно укротить тѣхъ, кои тебѣ опасны. Позволь себя къ тому склонить, чтобы предупредить ихъ удары.

Цесарь. Ежели бы я ихъ боялся, то бы я могъ ихъ наказать. Не совѣтуй мнѣ то, что можетъ привести меня въ ненависть. Сраженія и побѣды мнѣ извѣстны; но мучить и наказывать я еще не знаю. Пойдемъ: не будемъ слушать ни подозрѣнія ни мщенія. Пойдемъ и безъ насилія возцарствуемъ надъ вселенною, которую мы покорили.

Конецъ перьваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

БРУТЪ, АНТОНІЙ, ДОЛАБЕЛЛА.

Антоній. Сей гордый отказъ и сіе недоброжелательство не суть добродѣтели, но истинное звѣрство. Милости Цесаревы, а наипаче его достоинства, требовали отъ тебя самаго величайшаго уваженія и почтенія; а ты и на то не согласился, что бы внять его. Не знаешь еще ты, кого дерзаешь ненавидѣть; узнаяжъ то, конечно возтрепещешь.

Брутъ. Увы! я ужé трепещу; но трепещу тебя внимая. Злодѣй Римлянъ, которыхъ ты предалъ! или ты чаешь обмануть и развратить Брута? Поди и трепещи той руки, которая тебя поработила; намѣренія твои мнѣ извѣстны: ты желаешь быть рабомъ: и будучи Римляниномъ, желаешь имѣть Царя.

Антоній. Брутъ! я другъ: я имѣю сердце человѣколюбивое: и не ищу сей странной добродѣтели; ты хощешь быть

быть Героемъ: но что же? ты не иное что какъ мучитель: и твоя дикая гордыня, которую ни что смягчить не можетъ, защищая добродѣтель, въ тоже время приводитъ ее въ ненависть.

ЯВЛЕНІЕ II.

БРУТЪ (*одинъ.*)

Какая подлость! о небо! какой стыдъ! Вотъ подпоры горестнаго моего отечества! Вотъ наслѣдники Горація и Декія! И ты мститель законовъ, ты кровь моя, ты Брутъ! Праведныя боги! вотъ до какой степени низпало величество Римское! Каждой лобызаетъ съ трепетомъ руку налагающую на него оковы. Цесарь лишаетъ насъ и самой добродѣтели; и я ищу здѣсь Рима, но уже больше его не вижу. О вы божественныя души! Герои, что видѣлъ я погибшихъ, коихъ я теперь оплакиваю и коихъ вижу здѣсь изображенія! родъ великаго Помпея! и ты божественный Катонъ, и ты послѣдній изъ Героевъ племени Сципіонова! вы возжигаете

во

во мнѣ сїю искру добродѣтели, которая сїяла въ вашихъ безсмертныхъ дѣлахъ. Вы обитаете въ Брутѣ. Вы вливаете въ мою душу всю ту честь, которую сей тиранъ отъемлетъ у каждаго Римлянина. Но что вижу я, великїй Помпей! въ ногахъ твоего монумента? Какїя строки на мое имя представляются моему зрѣнїю? Прочтемъ оныя. „Брутъ! ты спишь, а Римъ въ оковахъ„! Нѣтъ, Римъ! мои глаза на тебя всегда отверсты; не укоряй меня за сїи оковы: я и самъ ихъ проклинаю. Но что тамъ еще я вижу? „Нѣтъ, „ты больше уже не Брутъ„. О жестокой выговоръ! Трепещи, Цесарь! трепещи тираннъ! вотъ твой смертельный ударъ! Нѣтъ, ты больше не Брутъ! Я еще конечно онъ, и имъ навсегда хощу пребыть. Или я погибну, или Римъ избавится отъ сего тиранна. Я вижу что Римъ имѣетъ еще добродѣтельныя сердца, требующїя мстителя, котораго во мнѣ находятъ; они поощряютъ сїю душу, сїю медлющую руку, и требуютъ крови. Римъ! ты будешь успокоенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

БРУТЪ, КАССІЙ, ЦИННА, КАСКА, ДЕЦИМЪ.

Кассій. Уже въ послѣдній разъ, Брутъ, тебя я объемлю. Любезныя друзья! намъ должно покорствовать тиранской волѣ. Отъ раздраженнаго Цесаря не льзя намъ ожидать милости; онъ знаетъ наши мысли: открылася уже ему и дерзость наша. Чрезвычайная наша твердость приводитъ его во удивленіе: но и онъ истребляетъ въ насъ послѣднихъ Римлянъ. Свершилося уже все, друзья мои! Нѣтъ больше отечества, нѣтъ больше чести и законовъ; и Римъ совсѣмъ исчезъ. Тираннъ уже торжествуетъ надъ вселенною и надъ нимъ; и наши неразумныя предки побѣждали только для него. Взятыми сокровищами у Царей, симъ скиптромъ мира, наградою пренесенныхъ въ шесть сотъ лѣтъ безпокойствъ и браней, всѣмъ онымъ пользуется нынѣ Цесарь, и попираетъ ногами плоды едва не цѣлые шесть вѣковъ возраставшей славы, Ахъ Брутъ! рожденъ ли ты кому служить? Исчезла вольносшь!

Брутъ. Она скоро будетъ возвращена.

Кассій. Что ты говоришь! Но что за шумъ поражаетъ мой слухъ?

Брутъ. Оставь сей гнусной народъ и сей недостойный вниманія твоего вопль.

Кассій. Вольность, ты говоришь? .... Но чтожъ.... крикъ умножается!

ЯВЛЕНІЕ. IV.

БРУТЪ, КАССІЙ, ЦИМБЕРЪ, ДЕЦИМЪ.

Кассій. А! Цимберъ! ты ли это? Скажи намъ что за крикъ?

Децимъ. Или есть еще какой новый умыселъ противу Рима? Что сдѣлалось? Что видѣлъ ты?

Цимберъ. Къ стыду общества Цесарь былъ въ храмѣ. Сей гордый идолъ казался быть богомъ гремящимъ надъ Капитоліею. Онъ тамъ объявилъ высокомѣрное свое намѣреніе итти и присоединить Персію къ Римской имперіи. Его тамъ провозглашали Марсомъ, мстителемъ Римлянъ и побѣдителемъ вселенной; но не взирая на

всѣ сіи возклицанія, его честолюбіе алкало получить другое имя, и онъ не былъ ими доволенъ. Наконецъ въ самый большой шумъ, производимый разными похвалами окружающаго его народа, Антоній проходитъ сквозь толпу и входитъ. О стыдъ! О мерзостной и недостойной поступокъ Римлянина! и входитъ въ храмъ, имѣя въ рукахъ и скипетръ и вѣнецъ. Ужасъ и удивленіе объемлетъ всѣхъ. Онъ только одинъ безъ смущенія возлагаетъ на Цесаря Корону; потомъ преклоня предъ нимъ свое колѣно говоритъ: да царствуетъ Цесарь надъ всей вселенной и надъ нами. Отъ сихъ словъ поблѣднѣли лица у Римлянъ, и горестной ихъ вопль услышанъ былъ со всѣхъ сторонъ. Я видѣлъ гражданъ, иныхъ ужаснувшихся и бѣгущихъ, а другихъ горестію и стыдомъ объятыхъ. Но Цесарь примѣтя на глазахъ ихъ весьма явныя негодованія признаки, тотчасъ прибѣгнулъ къ хитростямъ, заранѣе для сего случая вымышленнымъ. Немедлѣнно кидаетъ и скипетръ и корону, и все оное топчетъ своими ногами. Тогда каждый мня себя быть свободнымъ, возобновилъ свою радость и возкли-

возклицанія. Единъ Антоній былъ не веселъ; а Цесарь притворствовалъ и краснѣлъ; и чѣмъ болѣе онъ скрывалъ свое смущеніе, тѣмъ болѣе прославляемъ былъ народомъ. Его умѣренность служила ему покровомъ его злодѣйства. Но противъ воли своей онъ внутренно тѣмъ терзался, что превозносили въ немъ такія добродѣтели, которыхъ онъ не имѣетъ. Напослѣдокъ не возмогши болѣе обладать яростію своею, вышелъ онъ изъ Капитоліи, и съ грознымъ видомъ Сенату повелѣлъ чрезъ часъ собраться. Чрезъ часъ, любезный Брутъ, правленіе перемѣнится. Предатели, составляющія одну половину сего священнаго Сената, обольстили Римъ, и Цесарю его предаютъ. А таковыхъ я почитаю боязливѣе и самаго народа, которыхъ одно имя Цесаря приводитъ въ трепетъ. Хотя уже Цесарь и обладаетъ нами; однако хощетъ еще возложить на себя Корону. Народъ въ томъ ему упорствуетъ; а Сенатъ похлѣбствуетъ. Чтоже наконецъ о Герои! внемлющіе мнѣ намъ остается дѣлать?

Кассій. Умереть и прекратить дни преисполненныя стыдомъ. Я влачилъ

чилъ бремя недостойной моей жизни: поелику хотя малая надежда утѣшала мое отечество; но теперь вотъ послѣдній ея день: ибо Кассій не долженъ больше жить. Когда будетъ исторгнута она, тогда пусть оплакиваетъ Римъ и пребываетъ ему вѣрнымъ тотъ, кто хощетъ; а я не могу за него мстить: я и самъ съ нимъ погибаю. Я иду туда, гдѣ наши боги, гдѣ Помпей и Сципіонъ. (*взирая на ихъ статуи*) Уже приспѣло время вамъ послѣдовать и подражать Катону.

Брутъ. Нѣтъ! не будемъ слѣдовать никому, а будемъ сами служить примѣромъ. О храбрые друзья! витъ ето мы, о коихъ вселенная размышляетъ, и коимъ должно соотвѣтствовать тому почтенію, которое Римъ, истощевая себя, сохраняетъ къ нашему имени. Ежели бы Катонъ мнѣ повѣрилъ, и былъ по разсудительнѣе въ своемъ гнѣвѣ, што бы онъ оставляя жизнь, не оставилъ въ жизни Цесаря; но онъ возложилъ на себя невинныя свои руки, и тѣмъ безполезною сдѣлалъ смерть свою для народа, Онъ все сдѣлалъ для славы, но ничего для Рима. Вотъ одинъ недостатокъ, въ которой впалъ сей великій мужъ.

Кассій. Что же ты хощешь дѣлать въ такомъ состояніи?

Брутъ. (*показывая письмо*). Вотъ что ко мнѣ пишутъ. Вотъ должность наша.

Кассій. И ко мнѣ тоже пишутъ. И я подобной сему выговоръ получилъ.

Брутъ. Сего уже и много заслужить.

Цимберъ. Несчастный часъ приходитъ: чрезъ часъ тиранъ истребитъ имя Римлянъ.

Брутъ. Чрезъ часъ Цесарь будетъ умерщвленъ.

Кассій. А! я познаю изъ сего поступка благородный духъ.

Децимъ. Врагъ тираннамъ и достойный славы своего роду! ты имѣешь точно такія мысли, какія и я имѣю.

Кассій. Ты меня отъ унынія избавляешь, и я долженъ тебѣ за сіе моею честію. Сего то ожидали моя ненависть и мое сердце отъ истинной добродѣтели управляющей твоимъ поведен. Конечно самъ Римъ влiялъ въ тебя сі. знаменитое намѣреніе. Единаго твоего имени довольно для истребленія тиранновъ. Любезный Брутъ! о моемъ безчестіе вселенной; отмстимъ за Капитолію, когда

 небесамъ

небесамъ то угодно. Но вы Цимберъ и Цинна! вы дерзновенныя Римляне! неужли вы другія имѣете желанія, и иначе мыслите?

Цимберъ. Мы мыслимъ такъ, какъ и ты, и презираемъ жизнь. Мы проклинаемъ Цесаря, любимъ отечество, и желаемъ за него отмстить. Брутъ и Кассій въ каждомъ кто бы каковъ ни былъ могутъ возжечь добродѣтель.

Децимъ. Рожденнымъ къ тому, чтобъ быть судіями гражданъ и мстителями преступленій, не только постыдно сносить долго сію угнѣтающую руку, но удерживать себя и на одинъ мигъ отъ пораженія сего тиранна неприлично.

Цимберъ. Содѣлаемъ ли мы еще кого нибудь участникомъ сей великой славы?

Брутъ. Для отмщенія за отечество довольно и насъ. Долабелла, Лепидъ, Емиллъ и Публій, или боятся Цесаря, или предались ему. Цицеронъ, обуздавающій дерзость измѣнника, подкрѣпляетъ вольность единымъ токмо краснорѣчіемъ. Онъ смѣлъ въ Сенатѣ, но робокъ въ бѣдствіяхъ; и болѣе способенъ удивлять Римъ, нежели за него отмщать. Оставимъ Оратору плѣняющему свое

отечество попеченїе о его прославленїи, а мы вмѣсто того ему послужимъ. Нѣтъ! я съ вами только хощу раздѣлить сїю безсмертную честь, и сей великой страхъ. Чрезъ часъ тираннъ придетъ въ Сенатъ: тамъ то я его накажу, тамъ то я его поймаю, и тамъ то сїе желѣзо вонзясь въ его грудь, отмститъ ему за Катона, за Помпея, и за весь Римской народъ. Сїе весьма отважно: ибо его усерднѣйшїя стражи объемлютъ всѣ мѣста Капитолїи; и сей легкомысленный народъ, удобно склоняющїйся на умоленїе, не знаетъ еще того, любить ли онъ его долженъ, или ненавидѣть. Любезные друзья! наша смерть кажется неизбѣжною; но коликожъ она благородна и желательна! Что прїятнѣе сего, какъ погибнуть въ толь великихъ намѣренїяхъ, и зрѣть свою кровь текущую съ кровїю тиранскою! Со утѣшенїемъ тогда проходитъ послѣдняя минута! Умремъ, храбрые друзья! для того, что бы Цесарь умеръ, и что бы злодѣйствами его угнѣтаемая вольность, чрезъ прахъ его возобновилась и пребыла навсегда.

Кассїй Не будемъ больше медлить; пойдемъ въ Капитолїю. Въ

семѣ мѣстѣ онѣ насѣ угнѣтаетѣ; вѣ немѣ должно его и сразить. Не устрашимся сего народа: ибо онѣ кажется теперь нерѣшимымѣ; но когда сей идолѣ опровержен будетѣ, тогда и народѣ станетѣ его проклинать.

Брутѣ. Клянитеся со мною; клянитеся симѣ мечемѣ, кровїю Катоновою и Помпеевою, и всѣми священными трупами тѣхѣ истинныхѣ Римлянѣ, кои на Африканскихѣ поляхѣ скончали дни свои; клянитеся всѣми богами мстящими за отечество, что Цесарь скончаетѣ жизнь свою отѣ вашихѣ ударовѣ.

Кассїй. Любезные друзья! дадимѣ клятву исторгнуть жизнь и у тѣхѣ, кои пожелаютѣ наслѣдовать ему вѣ правленїи: хотя бы то были наши дѣти, братья, или отцы. Когда кто изѣ нихѣ тиранѣ, то уже онѣ нашѣ злодѣй. Истинному Республиканцу добродѣтель, боги, законы, и мѣсто имѣ обитаемое, суть родители и чада.

Брутѣ. Конечно. Я готовѣ сѣ вами навсегда соединить кровь свою. Сегожѣ часа для защищенїя другѣ друга и для спасенїя отечества мы вѣ родство вступимѣ, и сей союзѣ нашѣ запечатлѣемѣ

семъ кровїю тирановъ. Мы кленемся въ семъ тобою, (*подходя къ статуе Помпеевой*) о Герой! коего видъ поощряетъ бодрость нашу ко исполненїю сей нужной должности; мы даемъ обѣтъ, о великїй Помпей! предъ священнымъ образомъ твоимъ дѣлать все для Рима, не мысля о себѣ, и быть согласными въ томъ обществѣ, которое нынѣ въ насъ заключается; и кое готовится побѣждать и умирать неразлучно. Пойдемъ и приуготовимся къ тому: уже итакъ мы долго медлимъ.

ЯВЛЕНIЕ. V.

ЦЕСАРЬ. БРУТЪ.

Цесарь. Постой: ты долженъ здѣсь остаться. Куда бѣжишь несчастный!

Брутъ. Бѣгу отъ тиранства.

Цесарь. Ликторы! остановите его.

Брутъ. Возьми, скончай жизнь мою.

Цесарь. Брутъ! когдабы ярости моей потребны были дни твои, я бы единымъ словомъ окончилъ теченїе твоей

 жизни.

жизни. Ты того и достоинЪ: ибо твоя надменная неблагодарность диконравïемЪ своимЪ тщится всегда меня раздражать. Ты сообщникЪ тѣхЪ РимлянЪ, коихЪ я весьма подозрѣваю вЪ вѣроломныхЪ ихЪ предпрïятïяхЪ, и кои сей часЪ дерзали мнѣ противурѣчить, поносить мои дѣла, и противуборствовать гнѣву моему.

БрутЪ. Цесарь! они говорили такЪ, какЪ надлежало говорить РимлянамЪ; и ежелибЪ Боги помогли тебѣ внять ихЪ, то бы и ты послѣдовалЪ ихЪ мнѣнïю.

Цесарь. Я дерзость твою сношу, и выслушать тебя соглашаюсь. Я забываю величество свое; мнѣ препровождать время сЪ тобою прïятно. Скажи чѣмЪ ты меня упрекаешь?

БрутЪ. ОпустошенïемЪ вселенной, пролитïемЪ крови народовЪ, и грабленïемЪ собственныхЪ твоихЪ земель, Ты властïю своею и видомЪ добродѣтелей своихЪ утаеваешь всю свою неправду: они суть содѣтели твоихЪ умысловЪ; и сïя горестная милость, заставляющая любить твои оковы, не что иное какЪ сѣть, поставленная тобою для уловленïя вселенной.

Цесарь.

Цесарь. Ахъ! сїе бы должно было говорить Помпею, коего притворною добродѣтелїю ты былъ обманутъ. Сей гордый и опасный для Рима гражданинъ не хотѣлъ зрѣть въ Цесарѣ и равнаго себѣ. Или ты чаешь, что естьли бы я остался побѣжденнымъ, то бы сїя горделивая душа въ покоѣ оставила Римскую вольность? Нѣтъ! онъ конечно бы подвергъ тебя подъ иго самовластїя. Чтобы ты тогда сдѣлалъ Брутъ?

Брутъ. Я бы неотмѣнно принесъ его на жертву.

Цесарь. Такъ сїе то жестокое твое сердце мнѣ прїуготовляетъ? И ты отъ того себя не отвращаешь? Брутъ! ты къ моей погибели живешь?

Брутъ. Ежели ты такъ думаешь, то предупреди мое мщенїе. Что тебя отъ того удерживаетъ?

Цесарь. (*подаетъ ему письма Серпилїи*) Природа и мое сердце.... Читай, неблагодарный! познай ту кровь, которую ты противу меня ополчаешь; зри на того, котораго ты дерзаешь ненавидѣть; и слѣдуй намѣренїю своему, ежели смѣешь.

Брутъ. Гдѣ я? Что я читалъ? Или глаза мои меня смущаютъ?

Цесарь. И такъ! Брутъ, мой сынъ!

Брутъ. Онъ мой отецъ! О боги!

Цесарь. Конечно такъ, неблагодарный! Какая звѣрская нечувствительность тебя объемлетъ? Но что я говорю? Я слышу рыданіе твое, мой сынъ..! Тебя ли я имѣю въ объятіяхъ моихъ? Тебя природа смягчаетъ, но чувства твои окаменены!

Брутъ. Жестокая судьба приводящая въ отчаяніе меня! О клятва! О отечество! О Римъ любезный навсегда! Цесарь.... Увы! несчастный! почто я еще живу?

Цесарь. Говори... но чтоже? лютое угрызеніе терзаетъ твое сердце! Престань отъ меня скрывать. Ты еще въ молчаніи погруженъ! Ты страшишся быть моимъ сыномъ! Или сіе священное имя тебя безчеститъ? Ты страшишся меня любить и раздѣлять со мною мою честь? и за несчастіе почитаешь, что ты мною рожденъ? Увы! сей скиптръ вселенной, сія верховная власть, и самъ Цесарь, котораго ты

ненавидишь, всего сего тебѣ желали. Съ Октавіемъ и съ тобою я хотѣлъ раздѣлить и титло Царское и плоды несчетныхъ браней?

Брутъ. О боги!

Цесарь. Ты хощешь говорить и едва можешь удержаться. Искренность, или ненависть производитъ въ тебѣ сію борьбу? Какая тайна толико тебя угнѣтаетъ?

Брутъ. Цесарь!

Цесарь. Что, мой сынъ!

Брутъ. Я не могу ему сказать!

Цесарь. Или ты не осмѣливаешся назвать меня своимъ отцемъ?

Брутъ. Естьли ты оный, то исполни единую мою прозьбу.

Цесарь. Скажи. Я льщу себя надеждою, что могу оную исполнить, и что возвращу себѣ твое сердце.

Брутъ. Или сей часъ казни меня, или престань царствовать.

Цесарь. А! лютѣйшій врагъ! А тигръ мною лобызаемый! А развратное и каменѣющее отъ моей искренности сердце! Поди; я больше тебя сыномъ своимъ не признаю. Поди, жестокой

гражда-

гражданинъ! мое отчаянное сердце желаетъ слѣдовать твоему примѣру. Отъ того сердца, коему ты учинилъ толь ужасную досаду, познаешь и ты, что такое преодолѣвать природу. Поди: Цесарь вотще тебя просить не станетъ. Отъ Брута я научился безчеловѣчїю. Я уже тебя больше не знаю. Я уже свободенъ въ моей власти, и не внемлю больше непристойному милосердїю. Я съ покоемъ предамся моему гнѣву. Уже огорченное мое сердце не прощаетъ тебя больше. Въ насильствахъ уподоблюсь Силлѣ; и вы неблагодарныя услышавъ мое мщенїе, вострепещете. Поди; поди недостойный! поди ищи всѣхъ своихъ друзей. Всѣ они дерзали меня раздражать; всѣ будутъ и наказаны. Извѣстно будетъ то, что я могу, и явно будетъ оное, что я смѣю сдѣлать. Я сдѣлаюсь жестокимъ; а сему причиною ты одинъ будешь.

Брутъ. Увы! не оставимъ его въ сихъ лютыхъ намѣренїяхъ; но спасемъ, ежели возможно, и Римъ и Цесаря.

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАССІЙ, ЦИМБЕРЪ, ДЕЦИМЪ, ЦИННА, КАСКА, ЗАГОВОРЩИКИ.

Кассій. Вотъ уже тотъ часъ приходитъ, въ которой Римъ возстановится, и обладатель мира безъ повелителя. . . . За сіе честь относится подостоянію къ вамъ, Цимберъ, Каска, Пробусъ и Децимъ! Единый только часъ минетъ, а уже тиранна больше не будетъ. Что не возмогли Катонъ, Помпей и вся Азія, то нынѣ мы одни исполнимъ и отмстимъ за отечество. Я желаю, чтобы въ сей день сказала вся вселенная: смертные! почитайте Римъ: онъ уже не въ оковахъ.

Цимберъ. Ты зришь всѣхъ нашихъ друзей; они готовы послѣдовать тебѣ; готовы поражать и умирать; готовы жить, ежели то должно, и служить Сенату во что бы то ни стало: хотя бы надлежало умертвить Цесаря, или отъ него смерть получить.

Децимъ.

Децимъ. Но для чего же нѣтъ Брута, жесточайшаго врага нашему тирану? Онъ есть тотъ, который извлекъ наши клятвы: онъ насъ собралъ; онъ первый долженъ и разить Цесаря. Кровь Катонова медлитъ сюда притти! Или уже Цесарю открылась наша тайна? и онъ его обезоружилъ...? Но вотъ онъ! О боги! въ какомъ онъ смущеніи!

ЯВЛЕНІЕ II.

КАССІЙ, БРУТЪ, ЦИМБЕРЪ, КАСКА и ДЕЦИМЪ.

Кассій. Брутъ! какое несчастіе тревожитъ духъ твой? Или тиранну все извѣстно? Или Римъ преданъ?

Брутъ. Нѣтъ. Цесарю еще неизвѣстна пріуготовляемая ему смерть: онъ вамъ себя ввѣряетъ.

Децимъ. Чтожъ такое тебя тревожитъ?

Брутъ. Несчастная тайна, которую услыша и вы вострепещете.

Кассій. Неизбѣжна смерть и для насъ и для тиранна. Мы можемъ

всѣ отъ него погибнуть; но намъ ли трепетать.

Брутъ. Постой. Я приведу тебя въ ужасъ сею горестною тайною. Я долженъ умертвить его для Рима, для васъ, для нашихъ потомковъ, и для счастія смертныхъ. Я избралъ къ тому время и мѣсто; и сія рука въ тотъ самый часъ исторгнетъ у него жизнь, въ который Римъ возжелаетъ его смерти: честь же перваго пораженія принадлежитъ мнѣ; и все уже къ тому готово; но притомъ знайте, что Брутъ его сынъ.

Цимберъ. Ты сынъ его!

Кассій. Цесаревъ!

Децимъ. О Римъ!

Брутъ. Сервилія тайнымъ бракомъ съ Цесаремъ вѣнчалась, и я былъ несчастнымъ плодомъ сего ихъ супружества.

Цимберъ. Брутъ сынъ тиранновъ!

Кассій. Нѣтъ! толь преданное Риму сердце не можетъ быть имъ рожденно.

Брутъ. Мой стыдъ неизбѣженъ. Вы друзья мои: вы зрите, колико я утѣснаемъ рокомъ; пребудьте же моими

повели-

повелителями. Естьли кто изъ васъ толико твердаго духа, и естьли гдѣ толико твердой и толико превосходной предъ народомъ стоикъ, что бы осмѣлился рѣшить то, что долженъ дѣлать Брутъ? Я сїе отдаю на ваше разсужденїе. Но что же вы мнѣ не отвѣтствуете? И ты Кассїй! и ты равно съ ними молчишь? Увы! никто меня не подкрѣпляетъ на брегу сей пропасти! никто не ободряетъ! и никто въ злодѣйство не влечетъ! Кассїй! ты скоро удивишься!

Кассїй. Трепещу того совѣта, которой преподать тебѣ хощу.

Брутъ. Скажи.

Кассїй. Ежели бы ты былъ не больше какъ простой гражданинъ, то бы я тебѣ сказалъ: поди раболѣпствуй и пребудь тиранномъ при отцѣ своемъ: раззоряй то мѣсто, которое ты долженъ укрѣплять, и за которое Римъ въ тебѣ единомъ накажетъ двухъ измѣнниковъ; но я говорю Бруту, сему сильному разуму, сему Герою вооруженному противу тиранства Цесаря, котораго непреоборимое и общему спокойствїю посвятившее себя сердце, отдѣ-

лило

отдѣлило уже всю ту кровь, которую онъ отъ Цесаря получилъ. Внемли же теперь. Ты знаешь какою жестокостію угрожалъ Катилина своему отечеству?

Брутъ. Конечно знаю.

Кассій. Ежели бы въ тотъ день, къ которой сей великой преступникъ долженствовалъ поразить вольность смертнымъ ударомъ, и когда уже Сенатъ осудилъ сего измѣнника, назвалъ онъ тебя своимъ сыномъ; тогда будучи между симъ злодѣемъ и нами, какое бы ты учинилъ рѣшеніе о своей жизни? Скажи, Брутъ, чтобы ты тогда сдѣлалъ?

Брутъ. О чемъ ты меня вопрошаешь? Или ты чаешь, что единый мигъ твердость мою нарушить можетъ, и въ сравненіе одного человѣка съ отечествомъ поставить принудитъ?

Кассій. Сіе единое слово, Брутъ, показуетъ уже тебѣ твою должность. Сіе есть огражденіе Сената и безопасность Рима. Но скажи, чувствуеть ли ты сіе смущеніе и сіе тайное роптаніе, кои предразсудокъ обыкновенно приписываетъ природѣ?

Или

Или единое слово Цесарево может ис-
требить въ тебѣ любовь къ отечес-
тву, должность твою и законъ? От-
крывъ сїю тайну, истинную или лож-
ную, и признавъ тебя за сына, меньше
ли онъ сталъ чрезъ то виновенъ, и ты
неужели болѣе не Брутъ и не гражда-
нинъ Римской? Не по прежнему ли обя-
занъ ты намъ своею жизнїю, сердцемъ
и обѣщанїемъ? Ты сынъ его! но Римъ
не отецъ ли твой? и каждой изъ еди-
номысленниковъ не братъ ли тебѣ?
Рожденному въ сихъ освященныхъ стѣ-
нахъ, взрощенному Сципїономъ, воспи-
танному Помпеемъ, присвоенному Ка-
тономъ и другу Кассїеву можно ли
имѣть другїя мысли? Сїи священныя
имена не должно ли предпочесть всѣмъ
другимъ? Что нужды, что тираннъ,
гнусной рабъ любви, Сервилїю прель-
стилъ, и ты отъ нея родился? Оставь
сїи заблужденїя и бракъ матери тво-
ей. Катонъ творецъ обычаевъ твоихъ;
Катонъ одинъ и отецъ твой. Ты доб-
родѣтелїю своею ему обязанъ; вручи же
ему и душу свою, прервя сей недостойный
союзъ нынѣ тебѣ предлагаемый; и что
бы общимъ нашимъ клятвамъ твер-

дость твоя соотвѣтствовала: ты другихъ родственниковъ не имѣешь, кромѣ мстителей вселенныя.

Брутъ. А вы храбрые друзья мои! что скажете мнѣ?

Цимберъ. Суди о насъ по немъ, а о немъ суди по насъ. Естьли бы мы имѣли другія мысли, то бы Римъ не имѣлъ преступнѣе чадъ. Но почто тебѣ вопрошать о семъ другихъ, а не себя самаго? Совѣтуй съ своимъ сердцемъ и съ самимъ собою.

Брутъ. И такъ теперь открыта вамъ душа моя; зритежъ въ ней и ужасъ ее снѣдающій. Я не скрываю отъ васъ, что сердце мое поколебалось, и что стоическія мои глаза проливали уже слезы. По принесеніи той жестокой клятвы, которую вы слышали, готовъ я отечеству служить; но умертвить отца! оплакиваю, что я сынъ его: стыжусь его благодѣяній, удивляюсь его добродѣтелямъ, кляну его злодѣйства. Зря въ немъ своего отца, преступника, и купно великаго въ свѣтѣ человѣка, чувствую себя влекома Цесаремъ, а Римомъ удерживаема. Отъ ужаса и жалости терзающей мой умъ, желаю я себѣ

смерти вами ему приуготовляемой. Я вамъ скажу еще больше. Знайте, что я его почитаю, и что не взирая на его преступленіе, его великой духъ меня прельщаетъ. И естьли бы кто могъ надъ Римомъ царствовать, тогда бы должно было его пощадить. Но не тревожтесь: сіе одно имя, сіе одно названіе тиранна, которое я проклинаю, совсѣмъ его изъ мыслей моихъ истребляетъ. Сенатъ, Римъ, и вы, вы имѣющіе ко мнѣ свою довѣренность, и благосостояніе всей вселенной, вооружаетъ меня противу Государя. Я съ ужасомъ обожаю сію жестокую добродѣтель; я трепещу предъ вами; но пребуду вамъ вѣрнымъ. Цесарь намѣренъ со мною говорить. . . . О! естьли бы я могъ его смягчить и премѣнить! спасти и отечество и его! Да низпошлютъ безсмертныя боги чрезъ меня гласящія органамъ моимъ помощь его склонить! Но естьли прозьба моя будетъ тщетна, взнесите руки ваши на него и поразите его: я отвращу свои глаза: я не измѣню отечеству моему для отца моего: достойною, или нѣтъ, покажется жестокая моя твердость; но пускай сіе

мое великое дѣйствіе пребудетъ для всей вселенной ужасомъ и удивленіемъ. Не боюсь остаться у всѣхъ въ памяти; не разбираю ни упреканія ни славы; но всегда независящимъ, всегда я гражданиномъ пребуду. Довольно для меня моей должности; а прочее все оставляю. Идите, друзья мои! и не мыслите ни о чемъ, какъ только свободиться отъ рабства.

Кассій. Слово твое намъ есть залогъ спасенія отечества. Мы во всемъ полагаемся на тебя, подобно какъ бы слышали въ сихъ мѣстахъ гласъ Катона, гласъ Рима и самихъ боговъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

БРУТЪ *одинъ.*

Вотъ та минута, въ которую я Цесарю говорить буду, и вотъ та Капитолія, гдѣ смерть его ожидаетъ. Великія боги! сохраните меня отъ ужаса! Безсмертныя! удержите взнесенныя мои руки къ его наказанію! И ежели возможно, да будетъ Римъ любезнымъ великому его сердцу, и да будетъ

онѣ столько справедливѣ, чтобѣ могѣ быть моимѣ отцемѣ. Но вотѣ онѣ! Увы! я чувствѣ лишаюсь О! трупѣ Катоновѣ! укрѣпи мое мужество!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЦЕСАРЬ, БРУТЪ.

Цесарь. Скажи, чего желаешь ты? Скажи, очувствовалось ли сердце твое, и сынѣ ли ты Цесаревѣ?

Брутѣ. Конечно, есть ли ты сынѣ Рима.

Цесарь. Звѣровидный Республиканецѣ! куда стремится бѣшенство твое? Или ты желалѣ меня видѣть только для того, что бы больше меня раздражить? Какѣ! тебя ни самое то время, когда я изливаю на тебя всѣ свои ласки, и когда покоренной мирѣ ожидаетѣ тебя для принесенія тебѣ вѣрнѣйшихѣ клятвѣ, ни имперія, ни мои милости, и словомѣ ни что смягчить не можетѣ! Скажи, какимѣ ты окомѣ взираешь на скипетрѣ?

Брутѣ. Сѣ ужасомѣ.

Цесарь. Жалѣю о закоренѣлости твоей, но и извиняю ее. Но можешь ли ты меня ненавидѣть?

Брутъ. Нѣтъ, Цесарь! я тебя люблю; и прежде нежели ты призналъ меня произшедшимъ отъ твоей крови, сердце мое твоими дѣлами уже плѣненно было. Я возсылалъ жалобы богамъ, зря тебя толь великаго человѣка вдругъ и славою и бичемъ Рима. Для имени Государя Цесаря я проклинаю; но когда бы Цесарь былъ гражданинъ, то бы я почелъ его себѣ за бога, и охотно бы принесъ ему на жертву и счастїе и жизнь свою.

Цесарь. Что же ты во мнѣ ненавидишь?

Брутъ. Тиранство. Но внемли слезамъ вѣрнѣйшихъ Римлянъ, Сената и твоего сына. Когда желаешь ты быть перьвымъ на земли, и пользоваться такимъ правомъ, которое священнѣе военнаго, и быть больше Государя и больше самаго Цесаря....

Цесарь. Что такое?

Брутъ. Ты зришь вселенную влекущуюся за колесницею твоею; прерви же наши узы, будь Римляниномъ, оставь дїадиму.

Цесарь. А! что ты мнѣ предлагаешь!

Брутъ. То, что сдѣлалъ самъ Силла. Онъ плававши не малое время въ крови нашей оставилъ наконецъ вольнымъ Римъ, и все было забыто. Сей страшный и окруженный жертвами убійца снисходя съ престола загладилъ всѣ свои злодѣянія; ты же не имѣя подобной его ярости конечно не уступишь ему въ добродѣтели. Цесарь сдѣлаетъ больше: ибо сердце его склонно къ прощенію. А иначе къ чему послужатъ въ послѣдующія времена низпосылаемыя тобою милости? Но ты Римъ и отечество помиловать долженъ: ибо тогда мы будемъ больше покорными тебѣ, нежели теперь: тогда ты достойнымъ явишся царствованія, и я сыномъ твоимъ буду. Но что! я всуе сіе говорю!

Цесарь. Римъ требуетъ начальника; и ты конечно самъ то вѣдаешь. Ты видишь гражданъ нашихъ усилившихся паче Царей. Обычаи наши премѣнилися, Брутъ, такъ должно премѣнить и законы. Уже и самая вольность наша стала не что иное, какъ способъ къ нашему мученію. Римъ истребляющій

все

все началъ наконецъ себя раззорять. Сей ужасный колоссъ, ногами попирающїй миръ, хотя и угнѣтаетъ вселенную, однако и самъ уже становится колеблющимся. Онъ клонится къ паденїю, и чтобъ удержаться отъ онаго, требуетъ для подкрѣпленїя себя моей руки. По смерти Силлы древнїя наши добродѣтели, законы, Римъ и отечество не что иное стали, какъ пустыя имена; а ты говоришь въ сїи превратныя и наполненныя междоусобными бранями времена такъ, какъ должно было говорить во времена Децїя и Эмилла. Любезный сынъ! Катонъ тебя весьма прельстилъ; и я предвижу, что горестная твоя истинна будетъ пагубна отечеству и тебѣ. Уступи, ежели можешь преклонить омраченной свой разумъ, побѣдителю Катона, побѣдителю Помпея и своему отцу! отцу, которой тебя любитъ и сожалѣетъ о твоемъ заблужденїи. Брутъ! будь истиннымъ мнѣ сыномъ, возврати мнѣ свое сердце, и не принуждай свой духъ преодолѣвать природу! Но ты мнѣ не отвѣтствуешь? ты отвращаешь отъ меня свои глаза?

Брутъ. Я самъ себя не знаю. О небо! порази меня! О боги! Цесарь....

Цесарь. Что! ты въ чувство приходишь? я зрю тебя смягчающагося? Ахъ! сынъ мой...!

Брутъ. Знаешь ли ты, что сїе будетъ стоить тебѣ жизни? Извѣстно ли тебѣ то, что Сенатъ ни единаго изъ вѣрныхъ Римлянъ такого не имѣетъ, который бы тайно не стремился противу тебя? Для спасенїя Рима и для самаго себя сжалься, Цесарь! Твой смущенный духъ чрезъ меня къ тебѣ вопїетъ; онъ поощряетъ и побуждаетъ меня къ ногамъ твоимъ упасть. (*Становяся на колѣни*). Для имени боговъ, Цесарь, забвенныхъ въ твоемъ сердцѣ, для имени твоихъ добродѣтелей, для Рима и самаго себя, притомъ скажу, для имени сына, который трепещетъ и любитъ тебя, и который предпочитаетъ тебя всей вселенной.... но Римъ одинъ тебѣ..... не откажи мнѣ!...

Цесарь. Несчастный! оставь меня. Чего ты хощешь?

Брутъ. Повѣрь мнѣ, престань быть нечувствительнымъ.

Цесарь. Скорѣе вселенная премѣнится, нежели я премѣню свои мысли.

Брутъ. И такъ сей то твой отвѣтъ!

Цесарь. Конечно: ибо все уже опредѣлено. Римъ долженъ повиноваться, когда Цесарь повелѣваетъ.

Брутъ. (*съ смущеннымъ видомъ*). Прости, Цесарь!

Цесарь. Что! откуда происходитъ твое смущенiе? побудь еще здѣсь, мой сынъ! ты плачешь? Брутъ можетъ плакать! Цесарь ли причиною слезъ твоихъ? или ты оплакиваешь Римлянъ?

Брутъ. Я плачу о тебѣ, и повторяю, прости Цесарь!

Цесарь. О Римъ! О Геройская жестокость! почто я не могу любить толико моей республики?

ЯВЛЕНIЕ V.

ЦЕСАРЬ, ДОЛАБЕЛЛА, РИМЛЯНЕ.

Долабелла. Сенатъ, по твоему повелѣнiю, Цесарь, уже пришелъ въ

храмъ; престолъ уже воздвигнутъ: единаго токмо тебя ожидаютъ. Всѣ тѣ, которыя жертвовали тебѣ своею жизнїю, готовы возжечь ѳимїамъ при ногахъ твоихъ боговъ. Я множество Римлянъ привелъ къ тебѣ, Цесарь! которыхъ зыблющейся разумъ Сенатъ немедленно утвердитъ. Но естьли, Цесарь, вѣришь престарѣлому уже твоему воину, естьли вѣришь страшнымъ предсказанїямъ, прорекателямъ и самимъ богамъ, то отмѣни сїе великое произшествїе до другаго времени.

Цесарь. Когда дѣло идетъ о царствованїи, тогда должно ли избирать время? Что можетъ меня отъ сего удержать?

Долабелла. Вся природа мыслитъ въ семъ тебя предварить несчастными предзнаменованїями; и Небо творящее Царей страшится твоей смерти.

Цесарь. Престань, Долабелла! Цесарь не больше другихъ людей; и онъ не мыслитъ, чтобъ небо толико участвовало въ его жребїи, что бы оно возбудило для него безгласную природу, и что бы стихїи смѣшенными казались для того только, чтобъ

смертный

смертный лишней день здѣсь продышалъ. Боги съ небесной своей высоты изочли уже дни наши; мы безъ всякаго размышленія должны послѣдовать предѣламъ нашимъ, и Цесарю бояться нѣчего.

Долабелла. Онъ имѣетъ злодѣевъ, кои только еще начинаютъ чувствовать новое иго. Кто же можетъ сіе знать, что они къ отмщенію противъ тебя не имѣютъ умысла.

Цесарь. Они не осмѣлются.

Долабелла. Твое сердце весьма легковѣрно.

Цесарь. Толикія предосторожности противъ опредѣленнаго дня сдѣлаютъ меня только презрѣннымъ, а нимало не защитятъ.

Долабелла. Какъ для спасенія Рима, Цесарь, нужна твоя жизнь, такъ покрайней мѣрѣ позволь мнѣ итти въ Сенатъ съ тобою.

Цесарь. Нѣтъ нужды перемѣнять порядокъ учрежденной между нами. Другъ мой! не поспѣшимъ и часомъ опредѣленнымъ. Кто перемѣняетъ свои намѣренія, тотъ открываетъ свои слабости.

Долабелла. Я по принужденію тебя оставляю Цесарь! и что я страшусь, въ томъ признаюся. Сердце мое объято новымъ ужасомъ.

Цесарь. Поди: я лучше соглашусь умереть, нежели бояться смерти. Пойдемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДОЛАБЕЛЛА, РИМЛЯНЕ.

Долабелла. А! любезныя граждане! какое въ немъ геройство! какая благородная смѣлость! Онъ отъ васъ и отъ всей вселенной достоинъ лучшаго почтенія. Народы, удивляющіеся ему! соедините ваши обѣты съ моими, и утвердите уготованную ему честь! Живите для того, чтобъ ему служить, и защищая его умирайте за него.... О небо! что за вопль? Какой стонъ поражаетъ мой слухъ!

Заговорщики. (*за театромъ.*) Умри! окончи свой животъ, тираннъ! бодрствуй Кассій!

Долабелла. Увы! пойдемъ его спасать.

ЯВЛЕНІЕ. VII.

КАССІЙ (*съ кинжаломъ въ рукѣ*) ДОЛАБЕЛЛА, РИМЛЯНЕ.

Кассій. Все уже исполнилось: его больше нѣтъ.

Долабелла. Народы! помогите мнѣ. Сразимъ! исторгнемъ жизнь сего измѣнника!

Кассій. Народы! послѣдуйте мнѣ: вы не имѣете больше повелителя. Торжествуй отечество Героевъ! веселитесь побѣдители вселенной! рука моя прервала узы ваши.

Долабелла. Римляне! вы измѣняете крови сего великаго мужа!

Кассій. Для спасенія Рима я не пощадѣлъ и друга своего, но пролилъ кровь его за то, что онъ вовлекалъ васъ въ рабство; естьли же кто изъ васъ столь малой добродѣтели, столь нискаго духа, и столь слабой бодрости, чтобъ возмогъ сожалѣть о Цесарѣ и рабствѣ? Кто сей гнусной Римлянинъ желающій Царя? И ежели есть хотя одинъ, тотъ пусть мнѣ отвѣтствуетъ и принесетъ

на меня жалобы; но я зрю, что вы довольны мною, и знаю, что вы всѣ любите славу.

Римлянинъ. Цесарь былъ тираннъ; да погибнетъ и память его.

Кассїй. Счастливые властители мїра! чада Рима! сохраните навсегда сїи благородныя мысли. Я знаю, что предъ васъ предстанетъ немедлѣнно Антонїй; и такъ не забудте, друзья мои! что Цесарь былъ его Государь. Онъ служилъ при немъ со дней юношества своего, какъ въ училищѣ злодѣйства, такъ и въ знанїи тиранства. Здѣсь явится онъ, чтобы оправдать своего Государя и его власть: и помышляетъ васъ соблазнить. Я несомнѣваюсь, что онъ здѣсь произнесетъ свой гласъ; но на то есть законъ Римской, и я повинуюся уставамъ онаго. Народъ впредь будетъ верховный онаго прелагатель и судїя Цесаревъ, Антонїевъ и мой. Вы возвращаете себѣ свои права, безчестно потерянные, коихъ Цесарь васъ лишилъ, а я ихъ возвращаю и желаю утвердить. Я пойду въ Капитолїю: Брутъ уже въ Сенатѣ, и ждетъ меня. Я къ нему пойду. Я съ Брутомъ въ сихъ

разорен-

раззоренныхъ стѣнахъ возвращу правосудіе и изгнанныхъ боговъ; поспѣшу угасить внутреннюю ярость, и вольности развалины возставить. А вы Римляне! желайте токмо пребывать щасливыми и не измѣнять себѣ: сего только я отъ васъ желаю; а паче всего страшитесь Антоніева притворства.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АНТОНІЙ, РИМЛЯНЕ, ДОЛАБЕЛЛА.

Римлянинъ. Антоній идетъ!

другой Римлянинъ. Что онъ осмѣлится намъ сказать?

Римлянинъ. Изъ глазъ его лїются слезы; самъ же онъ мятется и рыдаетъ.

Римлянинъ. Онъ весьма любилъ Цесаря.

Антоній. (*восходитъ на трибунъ*) Конечно, Римляне, я его любилъ, и охотно бы жизнїю своею замѣнилъ его судьбу. Увы! всѣ вы равно мыслили со мною: ибо когда сей Герой жертвуя собою вашимъ уставамъ снималъ сего дня съ своей головы корону, то кто

бы изъ васъ несогласился умереть за него? Увы! я пришелъ сюда не память его прославлять: гласъ вселенной вопіетъ о его дѣлахъ; но для того, чтобъ вы узрѣвъ отчаяніе мое возъимѣли хотя малую жалость, и извинили слезы за дружество проливаемыя.

Римлянинъ. Ихъ должно было проливать тогда, когда Римъ въ рабство приходилъ. Цесарь былъ Герой, но Цесарь былъ и измѣнникъ.

Другой Римлянинъ. Когда онъ былъ тираннъ, то не могъ имѣть и добродѣтели. Мы всѣ Кассія и Брута прославляемъ.

Антоній. Противъ сихъ убійцъ я ничего не говорю. Ко услуженію отечеству они сильно стремятся: Диктаторъ вашъ ими сраженъ. Они тѣ, на которыхъ онъ всѣ благодѣянія свои изліялъ; но его же кровію и руки ихъ стали обагренны. И чтобы привлечь Римлянъ къ сему проклятому удару, то безъ сомнѣнія должно было найти Цесаря виновнымъ; и я тому вѣрю. Но наконецъ Цесарь своею властію налагалъ ли на васъ какое бремя? Для себя ли онъ хранилъ плодъ своихъ

побѣдъ?

побѣдъ? И добычею надъ вселенной не васъ ли онъ награждалъ? Собираемыя дани съ народовъ не вамъ ли были обогащенїемъ? Онъ собственной крови для васъ не щадилъ. Съ торжествующей колесницы онъ зрѣлъ ваше смущенїе, и что бы отерть ваши слезы, онъ съ нея сходилъ, и надъ покоренною вселенной вы мирно торжествуете. Вы сильны его мужествомъ; благодѣянїями его щасливы. Прощалъ онъ раздражающихъ его, и награждалъ заслуги. Великїя боги! вамъ то извѣстно: вы тѣ, которыхъ онъ истинный былъ образъ. Боги! вы вѣрили ему правленїе свѣта, и вамъ извѣстно колико онъ любилъ прощать преступленїя!

Римляне. Правда что Цесарь заставлялъ любить свое милосердїе.

Антонїй. Увы! ежели бы великая его душа предузнала сїе мщенїе, онъ бы здравствовалъ и исполнялъ ваши желанїя. На убїйцъ сихъ изліялъ онъ всѣ свои благодѣянїя. Кассїю двоекратно спасъ онъ живошъ. Брутъ... Гдѣ я? О небо! О варварство! О беззаконїе! Любезные друзья! я силъ моихъ лишаюсь, всѣ чувства мои во мнѣ каменѣютъ

ютъ.... Брутъ.... Брутъ убійца!.... Сей врагъ былъ сынъ его!

Римляне. О боги!

Антоній. Я вижу ужасъ васъ объемлющій, друзья мои! Я вижу слезы орошающія лица ваши. Брутъ конечно сынъ его; но и вы всѣ предстоящіе здѣсь, и вы дѣтьми присвоены отъ его сердца. Ахъ! естьли бы вы знали послѣднее его желаніе?

Римляне. Скажи, въ чемъ оно состояло?

Антоній. Римъ его наслѣдникъ. Сокровищи его суть сокровищи ваши: вы воспользуетеся ими; и за дверьми гроба Цесарь вамъ служить желаетъ. Единыхъ васъ онъ любилъ; для васъ онъ въ Азію шелъ жертвовать и щастіемъ и жизнію своею. О Римляне! онъ говорилъ, Царь тотъ народъ, которому я служу; повели Цесарю, Цесарь вселенной. Брутъ и Кассій сдѣлалъ ли бы для васъ что нибудь больше сего?

Римляне. А! мы ихъ уже проклинаемъ. Сія мысль насъ раздражаетъ.

Римлянинъ. И въ самомъ дѣлѣ Цесарь былъ отецъ отечества.

Антоній

Антоній. Уже нѣтъ больше вашего отца: чрезъ гнусное убійство сей великій мужъ дни свои скончалъ. Пресѣклась честь природы; изчезла слава Рима. Римляне! лишите ли вы сожженія сего вашего отца и друга, которой вамъ толико былъ милъ. Вотъ его несутъ предъ ваши глаза.

(Театръ представляетъ здѣсь отверстіе; Ликторы несутъ трупъ Цесаревъ, покрытой окроваленною одеждою; Антоній сходитъ съ Трибуна и падаетъ на колѣни подлѣ трупа.)

Римляне. О горестное зрѣлище!

Антоній. Вотъ что осталось отъ первѣйшаго изъ Римлянъ. Вотъ оный мстящій богъ, которому вы покланялись, и котораго самые убійцы съ трепетомъ обожали. Вотъ всегдашняя ваша подпора въ мирѣ и въ браняхъ. Вотъ оный, котораго за часъ до сего времени вся вселенная трепетала, и который за долгъ почиталъ узрѣть Вавилонъ влачимый за колесницею своею. Друзья мои! въ семъ видѣ признаете ли вы Цесаря? Римляне! вы зрите его раны, вы касаетеся онымъ, а сія кровь пролита предъ вашими

глазами